

«Нужны новые методы борьбы»

Организация и деятельность отдела по борьбе с бандитизмом в Псковской губернии в 1922 – 1923 гг.

В марте 1924 года было принято постановление Президиума ЦИК СССР «О возложении борьбы с бандитизмом полностью на органы ОГПУ», которое недвусмысленно указывало на необходимость принятия срочных и чрезвычайных мер для ликвидации «бандитизма как в городе, так и в деревне»¹. Согласно этому постановлению ОГПУ должно было «в ударном порядке вести усиленную борьбу с бандитизмом» и руководить этой борьбой во всеобщем масштабе. Для этого ОГПУ было наделено дополнительными полномочиями – чекистам в оперативном порядке были подчинены милиция и уголовный розыск, а ОГПУ и местные органы советской власти получили возможность во внесудебном порядке проводить разбирательство по всем случаям бандитизма и в необходимых случаях выносить смертные приговоры. Особое внимание обращалось на необходимость выработки комплексных (политических, экономических, пропагандистских, разъяснительных и других) мер по борьбе с бандитизмом. Кроме того, ОГПУ имело право ходатайствовать перед ЦИК республики об объявлении «той или другой территории неблагоприятной по бандитизму», что предопределяло необходимость принятия дополнительных репрессивных мер.

Несколькими месяцами ранее в ОГПУ была подготовлена «Записка к заседанию Президиума», в которой весьма обстоятельно говорилось о новых угрозах революции и советскому строю. По сути, в этой записке давалось определение бандитизму и его проявлениям, как одной из серьезнейших угроз советской власти и обосновывалась необходимость консолидации всех правоохранительных органов и партийно-советского аппарата в борьбе с этим явлением. «Бандитизм – это историческое наследие гражданской войны, как в военном, так

и в политическом и экономическом отношении... Бандитизм – это нависшая угроза над нашим государством... Бандитизм – это не только вооруженные отряды и шайки... Это общность всех социальных болезней эпохи и наглядное выражение классовых противоречий в деревне... Это стихийное пассивное сопротивление советской власти... и это активное присоединение к действующим бандам и вооруженное сопротивление белых, зеленых и пришедших шаек»². После выступления Ф.Э. Держинского на заседании Политбюро ЦК РКП (б) было принято специальное постановление ЦК «О борьбе с бандитизмом», которое практически полностью повторяло смысл записки руководителя ОГПУ и указало, что неотложной задачей современного момента становится полное «освобождение крестьянского населения от обирающих его бандитов».

Примечательно, что и впоследствии Политбюро на своих заседаниях неоднократно обращалось к проблемам борьбы с бандитизмом, этот вопрос обсуждался в октябре 1924 и в июне 1927 года³. Впоследствии, в 1930-е годы, борьба с бандитизмом в постановлениях и решениях партийно-советских органов будет теснейшим образом связана с проводимой политической коллективизацией и ликвидацией кулачества, а также с борьбой с басмачеством и националистическими группировками на Украине и в южных районах страны. А в 1938 году в структуре Главного управления милиции НКВД СССР был образован Отдел по борьбе с бандитизмом⁴, для координации борьбы с различными «бандпроявлениями» в СССР. Однако появление такого подразделения впервые произошло в 1921 году, в условиях гражданской войны и послевоенного развития Страны Советов.

Пришедшие к власти большевики прекрасно понимали необходимость борьбы с политическими противниками и использовали в этой борьбе все возможные силы и средства.

Седунов Александр Всеволодович – кандидат исторических наук, ст. преподаватель Псковского филиала СПб университета МВД РФ

Большевизация страны, по мнению многих лидеров революции, должна была происходить под воздействием не только мирных, но и силовых приемов, путем введения диктатуры пролетариата и партии⁵, а также других форм воздействия на население, социальные институты и экономику страны, в условиях организованного и стихийного сопротивления.

Национализация промышленности, введение хлебной монополии и принудительной продразверстки, ликвидация свободной торговли и другие проявления «кавалерийской атаки на капитал» вызвали массовое недовольство в различных слоях общества. Именно политика «военного коммунизма», осуществляемая в годы Гражданской войны, наиболее бескомпромиссно определила характер общественного развития и сформулировала «социалистические методы» управления обществом и государством, как они представлялись большевистским вождям. Начавшаяся гражданская война и милитаризация общественных отношений привнесли в политику большевистских властей пренебрежение к человеческим свободам и правам (особенно по отношению к выходцам из чуждой пролетариату и беднейшему крестьянству среды), нетерпимость ко всякому инакомыслию, вседозволенность любых шагов и действий, если они обосновывались «революционной целесообразностью». Обострившаяся классовая борьба сопровождалась применением «красного террора», который был ответом на «белый террор» либо объявлялся большевиками необходимым ввиду складывавшейся обстановки.

Представляется, что политика «военного коммунизма» наиболее глубоко и отрицательно сказалась на основных методах руководства общественным и экономическим развитием. Длительное время после объявленного отступления от «военного коммунизма» власть сохраняла склонность к быстрым и насильственным действиям, которые считались испытанными и всегда дававшими наилучший результат в достижении цели. «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики» – вот лозунг «военного коммунизма», выражавший способность власти силовыми способами добиться того, что не позволяли сделать методы убеждения и пропаганда. Отсюда и бескомпромиссная борьба со всеми

антипартийными элементами и контрреволюционными угрозами в тылу и на фронтах Гражданской войны. Одной из таких угроз являлся бандитизм.

Надо сказать, что термин «бандитизм» широко использовался в революционной риторике. Бандитами в 1917-1919 гг. и в 1920-е годы оказывались далеко не только уголовные преступники, «белобандитами» называли участников вооруженных формирований Белой Армии, «бандитскими» были шайки различных самопровозглашенных национальных образований, «бандитами» называли крестьян, поднимавших восстания в тылу, таким же образом именовали членов разнообразных антисоветских группировок и зарубежных формирований.

Думается, что использование этого термина в годы Гражданской войны и последующего времени не случайно. В крестьянской, патриархальной и в целом малообразованной стране, где крестьяне, да и многие рабочие, в большей степени ориентировались на традиционные моральные категории справедливости, чем на юридические установления и нормы, необходимо было оперирование доступными и четкими определениями и понятиями, которые не требовали дополнительных разъяснений. Еще в середине XIX века под словом «бандит» понимался «вор, дерзкий мошенник, грабитель, подорожник»⁶. Для подавляющего большинства людей того времени, да и современного общества в этом понятии содержатся исключительно негативные смысловые характеристики. Бандит – это тот, кто покушается на жизнь, здоровье, имущество и благополучие, и поэтому представляет серьезную опасность, как для человека, так и для всего общества. Уничтожение бандитов не надо было специально обосновывать, так как этого требовала борьба с политическими оппонентами, кроме того, бандит и бандитизм – понятия вневременные, существующее как в годы войны, так и после ее окончания, они универсальны во времени и в пространстве, независимы от идеологии, они понятны, доступны и объяснимы для любого человека. Поэтому борьба с бандитизмом в представлении большинства населения оправданна, и для ликвидации этой угрозы могут быть использованы различные силы и средства.

В различных нормативно-правовых актах, в печати большевики иногда уточняли характер и направленность отдельных проявлений

бандитизма в СССР – он мог приобретать политическую или уголовную окраску. Но, как правило, в документах центральных и местных советских и партийных учреждений любая деятельность «савинковцев», басмачей и уголовных элементов трактовалась как бандитская и допускала применение к ним различных репрессивных методов.

Необходимо также отметить, что сами «бандпроявления» были весьма схожи как у политических, так и уголовных элементов. Грабежи, разбойные нападения на магазины, склады, учреждения советской власти, убийства советских руководителей, активистов, сотрудников правоохранительных органов и простых граждан, уничтожение транспортных средств, запугивание населения – так действовали отряды Павловского, Васильева, Эрдмана, так же поступали банды грабителей, конокрадов и уголовников. Безусловно, что для советской власти подобная деятельность представляла реальную угрозу, особенную обеспокоенность вызывали районы «массового распространения бандитизма» либо приграничные территории, в которых действовали «переходящие бандформирования, поддерживаемые мировым империализмом и контрреволюцией».

Особое внимание большевистское руководство обращало на возможность проникновения бандитских элементов в тыловые районы СССР для создания контрреволюционных организаций и подготовки вооруженных восстаний. Поэтому большое внимание уделялось не только борьбе с «активным бандитским элементом», но и выявлению «подстрекателей и пособников»⁷, а также тех, кто «стихийно пассивно сопротивляется советской власти».

Массовые крестьянские выступления 1920-х в Тамбовской губернии, Якутии, Поволжье, Карелии, на Украине, на Дальнем Востоке, Кронштадтский мятеж, усиленные противоборством с остатками Белых Армий и «международным империализмом», межнациональными конфликтами и национальными противоречиями, явились для руководства страны серьезным испытанием, угрожали самому факту существования Страны Советов и проводимой политической линии. В этих условиях только жесткие, бескомпромиссные военные и репрессивные методы, которые были апробированы в 1917 – 1920 гг., могли принести реаль-

ные и быстрые результаты. Закрепившись в сознании многих партийных и советских руководителей разного уровня как универсальный инструмент решения любых задач, эти силовые методы продолжали использоваться для «регулирования» всех сторон жизни общества и в мирное время.

12 января 1921 года Пленум ЦК партии после обсуждения вопроса о «настроениях в крестьянской среде» принял решение создать комиссию для выработки мер по ликвидации бандитизма, в которую вошли Ф.Э. Дзержинский, С.С. Каменев, С.С. Данилов и Ф.А. Артем⁸. 18 октября проблема «красного бандитизма» была еще раз обсуждена на Пленуме ЦК, а республиканские ЦК и губкомы к этому вопросу обращались неоднократно⁹. В 1921 году была создана Центральная межведомственная комиссия, в состав которой входили представители РВС Республики, РККА, ВЧК, ЧОН, НКПС, СТО, комиссия, действующая непосредственно при СНК, осуществляла руководство ликвидацией восстаний и бандитизма в РСФСР – СССР. В ряде районов в начале 1920-х годов были созданы полномочные комиссии ВЦИК РСФСР, направляющие полномочных представителей в районы, охваченные повстанческим движением и бандитизмом. Борьбой с бандитизмом занимались и местные ревкомы, специальные совещания, военно-революционные и оперативные штабы, военные советы и др.

Особенностью развития бандитизма в целом на Северо-Западе России и в Псковской губернии в частности была деятельность разнообразных «политических» формирований, переходящих из-за советско-эстонской и советско-латвийской границы. Как правило, это были отряды «Народного союза защиты родины и свободы» и «Русской Народной Добровольческой армии», руководимые Б.В. Савинковым, или «бандформирования С.Н. Булак-Балаховича, либо группы, посылаемые «Российским общевоинским союзом» (РОВС) и другими эмигрантскими организациями – «Братством русской правды» (БРП) и «Национально-трудовым Союзом нового поколения» (НТСНП). В 1920-1930-е годы эти организации активно готовили и проводили террористические акты на советской территории. В одном из документов руководство НТСНП отмечало, что «в тактике своей работы Союз, признавая необходимость

активной борьбы, считает для себя обязательным: а). Признание революционных методов работы, до террора включительно, и всемерное участие в этой работе, б). Учет настроений в России, в особенности среди молодого поколения, установление связи с ним и распространение среди него нашей идеологии... Выступление Союза, как молодого независимого политического течения – в эмиграции с призывом к революционной борьбе против ее общего врага и к единению для этой цели; – в России с призывом к революционной самостоятельности и к совместной активной национальной работе...»¹⁰. БРП отстаивало тезис о необходимости использования самых радикальных методов борьбы – террор и организацию партизанских отрядов¹¹. Братство проводило большую часть своих операций на территории западных и северо-западных пограничных районов СССР, там существовала более или менее налаженная система перехода границы. БРП использовало такие методы сопротивления, как остановка и «проверка» поездов (при этом члены ВКП(б) и сотрудники ОГПУ расстреливались), а также взрывы объектов.

Члены отрядов Савинкова набирались в различных военных лагерях в Польше, Сербии, Болгарии, Эстонии, Латвии. «В лагерях устраивались митинги, раздавалась антисоветская агитационная литература... Вербовка и запись в отряды проводилась сотрудниками Савинкова... В отряд (здесь речь идет об отряде Васильева, совершившем налет на территорию Псковской губернии в октябре 1921 года. – А.С.) записалось человек 80... выдали аванс... отряд разделили на 4 взвода. Задание отряда было подготовить восстание крестьян и действовать по своему усмотрению... Вешать коммунистов, мешать сбору продналога и разрушать железные дороги... Разбрасывать прокламации среди населения... каждому были выданы, как обязательные, два фунта прокламаций»¹². Подобных отрядов, действовавших с территории Польши, Эстонии, Литвы и Латвии, было довольно много, только соединение Эрдмана и Васильева, располагавшееся на границе между Вильно и Великими Луками, насчитывало до 3500 человек, а латвийская организация «Народного союза защиты родины и свободы», по данным ВЧК, насчитывала до 10 000 человек. Вдоль границы располагались более мелкие

формирования и бандгруппы – по 50 – 200 человек¹³. Практически все они имели более или менее согласованные планы деятельности, были вооружены французскими винтовками и готовы к совершению рейдов по территории СССР. «Повстанческим отрядам» ставилась задача организации зеленых банд, которые должны стать опорными базами для дальнейшей деятельности. Этими формированиями проводилась и разведывательная деятельность в советском тылу, вербовались крестьяне, жители небольших городов, представители некоммунистических партий, собиравших и передававших за границу разнообразную информацию. Контрразведчики РОВСа и Савинкова пытались создать разведывательно-подрывную сеть в приграничных районах республики, для облегчения деятельности крупных отрядов и проведения диверсий. «Десятки конспиративных квартир и явок, облегчающих скрытое движение бандитов по лесным чащам и проселочным дорогам», – вспоминал бывший начальник Новгородского ОГПУ А.И. Мильнер¹⁴, характеризуя обстановку в приграничных районах страны.

Информационные сводки ВЧК указывали, что в течение 1920 года большие (численностью до 150-200 человек) отряды Васильевского, Меньшикова, Каминского, а также группа Васильева хотели проникнуть на территорию РСФСР через Изборск и его окрестности, соединиться с действовавшими в районе поселка Черское бандами и провести серию налетов на Псков и Остров¹⁵. И подобных спецсообщений поступало довольно много: банда полковника Козлова стремилась, пройдя через Витебскую губернию, напасть на Холм, Себеж и Невель, группа Зайцева продвигалась к Торопцу, банды капитана Михайлова и поручика Дубова орудовали вблизи Порхова.

Кроме того, на территории СССР существовали разрозненные банды дезертиров и уголовников, чье месторасположение и количество постоянно менялось, так, например, в Велижском и Великолуцком уездах в 1920 году действовали банды Воронова, Эйленко и Громова, чья численность в течение года возросла с 15 до 200 человек¹⁶. А общая численность дезертиров, которые при определенных условиях могли стать базой для контрреволюционного восстания в Псковской губернии,

в 1920 году оценивалась начальником ГубЧК Г.П. Матсоном в 7 500 человек¹⁷.

В задачи настоящей статьи не входит анализ «политического бандитизма» на Северо-Западе, однако следует отметить, что, несмотря на появившиеся в последнее время несколько статей на эту тему, многие страницы этого явления еще нуждаются в объективном исследовании. Стоит только заметить, что далеко не все члены указанных формирований Савинкова, Булак-Балаховича, Павловского, Эрдмана и других были идейными и стойкими борцами с коммунистическим режимом. Для многих вербовка в бандгруппы и участие в рейде по советской территории был возможностью вырваться из сложнейших условий, в которые попали белогвардейцы в странах Запада, вернуться на Родину и просить о помиловании¹⁸. Многие крестьяне, ушедшие вместе с Н.Н. Юденичем, С.Н. Булак-Балаховичем, Врангелем, стремились попасть домой, вернуться к земле, жене и детям. Они уходили самостоятельно, пытаясь пробраться через границы, преодолевая природные преграды¹⁹ и всевозможные препоны, чинимые как правительствами Прибалтийских стран, так и контрразведкой РОВСа и других организаций. Один из участников рейда полковника Васильева в октябре 1921 года в своем дневнике писал, что, после того как отряд перешел границу, «многие разбежались по домам, не желая идти вперед»²⁰.

Для противодействия бандформированиям в Псковской губернии и ее уездах, как и во многих других регионах страны, в 1920-1921 гг. были созданы «революционные тройки» по борьбе с бандитизмом и губернский комитет по борьбе с бандитизмом, состоящий из председателя Губисполкома РКП(б), председателя ГубЧК, начальника Особого отдела охраны эстонско-латвийской границы республики, губвоенкома и командиров войсковых частей, расквартированных в Пскове и губернии. Однако этот комитет играл лишь общую координационную роль в борьбе с бандитизмом, основная нагрузка ложилась на органы ВЧК²¹, проводившие и руководившие оперативными и войсковыми мероприятиями в Псковской губернии.

Уже в 1919-1920-х годах Псковская ГубЧК получила несколько директивных указаний, посвященных организации борьбы с бандитиз-

мом. Особое внимание уделялось противодействию крестьянским выступлениям, которыми была охвачена Псковщина. В эти годы практически все отделы ГубЧК участвовали в проведении разнообразных мероприятий против крестьянских восстаний. Но самостоятельно подавить подобные восстания чекисты не могли, что предопределило активное использование боевых частей Красной Армии.

В 1921 году, после событий в Тамбовской губернии и восстаний в Карелии и Поволжье, приказом ВЧК №455 в составе центрального аппарата ВЧК, в контрразведывательном отделе был создан отдел по борьбе с бандитизмом, а после 11 января 1922 аналогичные отделы и отделения появляются при всех окружных и ГубЧК, а также при уездных политбюро. В работе отделов было выделено два основных направления: борьба с тайными организациями, вооружавшими и обучавшими бандитов, и борьба с вооруженными бандитскими формированиями и содействовавшими им лицами и группами²².

В Псковской ГубЧК в конце 1921 года было организовано отделение по борьбе с бандитизмом (ОББ), которое возглавил Александр Иванович Ланге. В дореволюционный период он работал в Псковской типографии, в 1905 году стал членом РСДРП(б), был арестован, бежал, с 1910 года работал в подполье в Санкт-Петербурге, снова был арестован и снова совершил побег, уехал в США и Великобританию. С 1918 года в Красной Армии, участвовал в подавлении мятежей в Тамбовской губернии и на востоке страны, в 1920 году был направлен на работу в Псковскую ГубЧК, где вел активную работу по борьбе с бандитами и эстонскими шпионами, в разное время борьбой с бандитизмом в Псковском отделе ОГПУ руководили Берзин, Бальцевич, Иванов.

В апреле 1922 года Приказами ГПУ была установлена четкая организационная структура ОББ. Отделы по борьбе с бандитизмом были созданы при Особых отделах военных округов (после создания Полномочных представительств (ПП) ОГПУ в военных округах – борьба с бандитизмом была включена в сферу компетенции ПП ОГПУ), при губернских отделах ВЧК/ГПУ и при политбюро и уездных ЧК/ГПУ. Отдел по борьбе с бандитизмом Псковской ГубЧК имел в своем составе пять отделений:

канцелярию, следственное отделение, разведывательное, оперативное, для проведения конкретных мероприятий и организационно-учетное. При уездных политбюро были созданы отделения по борьбе с бандитизмом²³.

Первая «Инструкция» губернским органам по борьбе с бандитизмом недвусмысленно указывала не только на необходимость борьбы с живой силой врага, но и на неотложную задачу по «уничтожению бандитов и их базы, т.е. тех, кто питает их материально»²⁴. Для достижения этой цели необходимо было использовать все силы и средства – агентурно-оперативные и войсковые, широко привлекать местные партийные организации, «надо советизировать зараженные бандитизмом районы, т.е. уничтожать причины возникновения бандитизма ... убеждать деревню, что бандитизм приносит ей исключительный вред материальный и идейный ... очистить местные органы от элементов, порождающих бандитизм и способствующих таковому»²⁵. Комиссии должны вести широкую пропагандистскую работу, чаще проводить выездные сессии революционного трибунала на местах.

Среди задач ОББ было «изучение экономических, политических, исторических причин, порождавших бандитизм, и отдельных факторов вызывающих и влияющих на его развитие». На ОББ возлагалась также задача организации и ведения переговоров с бандитами о добровольной сдаче. «Инструкция» указывала, что для успешного ведения переговоров надо активно привлекать представителей местных партийно-советских органов, а также использовать бывших бандитов, уже перешедших на сторону Советской власти. Но особое внимание нормативные документы уделяли организации оперативной работы в районах бандитизма «Опыт борьбы с бандитизмом в Тамбовской, Воронежской губерниях и на Украине доказал, что агентурная работа в этой борьбе занимает доминирующее положение»²⁶, говорилось в одном из нормативных документов.

Директива центра все мероприятия по линии борьбы с бандитизмом разделяет на «активные, юридические, и высылку».

За 1922 – 1923 год Псковский ОББ сумел выявить и разгромить более 30 крупных и мелких бандформирований различной направленности, арестовать и привлечь к ответственности

более 200 участников бандформирований. Среди наиболее опасных банд, которые были уничтожены ОББ Псковского Губотдела ГПУ, были банды братьев Речинских, отряд Орлова, банда Пантелеева и другие.

Деятельность следственного отделения ОББ была поставлена на «твердые юридические основания», как писал об этом А.И. Ланге. Еще в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР», принятых наркоматом юстиции в 1919 году, в статье 12, указывались квалифицирующие признаки бандитизма: групповой характер преступления, вооруженность участников, его направленность против личности и имущества граждан, наличие преступных целей. Особое значение в советском праве приобретал классовый характер преступления, бандитизм с этой точки зрения трактовался как преступление, совершенное «лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления власти угнетающего класса»²⁷, что служило отягчающим признаком.

Эти принципиальные положения вошли в Уголовный кодекс РСФСР 1922 года и были подтверждены в 1926.-М. Статьи 57, 58, 59,60, 61, 62, 64,65 прямо указывали на контрреволюционный характер деятельности переходящих формирований и их пособников. А статья 76 УК РСФСР санкционировала применение смертной казни по отношению к «участникам банд (вооруженных шаек) в организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения, остановках поездов и разрушениях железнодорожных путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась»²⁸.

Проблема высылки «бандитского контингента» стала одной из важнейших в практике деятельности ОББ. В циркулярах, поступавших в Псковский отдел ГПУ, говорилось, что «мы знаем методы борьбы с бандитизмом и повстанчеством... с активными бандитами... но также необходимо выработать методы борьбы с пассивными... выработать суровые методы воздействия и эта мера – выселение. Эта мера явится генеральной чисткой станиц, хуторов и сел от скрытых врагов Советской власти»²⁹. И далее директива классифицировала весь бандитский элемент на «активных бандитов», т.е. тех, кто «активно и организованно выступает

против Советской власти, совершает разбои и грабежи, пытается затормозить восстановление и дискредитировать Советскую власть и ее политику»; «подстрекателей» - «проводящих устную или письменную агитацию»; и «пособников», тех, кто «содействует словом или делом, советами, дачей сведений о Красной Армии и Советской власти... а также семьи кулацкого элемента, среднего и мелкого крестьянства, которое находится в бандах»³⁰. ОББ должны были внимательно изучать обстановку, проводя мероприятия по контролю за всеми бандитскими элементами, учитывая изменения в социальной, политической и экономической ситуации в стране и регионе.

Учитывая обстановку, складывающуюся на северо-западных границах республики, участвовавшие случаи проникновения банд из-за границы и большое количество бандпособников на территории Псковской губернии, Советское правительство и руководство ВЧК решили устроить специальное совещание по проблемам развития бандитизма в Западных и Северо-Западных районах страны. Оно прошло 15 марта 1921 года в Москве под председательством Ф.Э. Дзержинского. Председатель Псковского Губисполкома К.М. Отс и Председатель губкома РКП(б) К.В. Гей указали, что такое распространение бандитизма связано с пограничным положением губернии и большим «заражением губернии бандитским элементом». К.В. Гей отметил, что приграничные районы с Эстонией и Латвией находятся в ситуации «эпидемии бандитизма», поэтому следует принимать жесткие и решительные меры для улучшения положения. После обсуждения других докладов было решено, что ГубЧК должна координировать борьбу с бандитизмом, для чего мобилизовать усилия Красной Армии, ЧОНа, партийных товарищей и местное население. В целях ужесточения репрессивной политики ГубЧК было разрешено брать заложников из числа членов семей активных бандитов, провести высылку бандитов из приграничных районов, а ОББ должен был усилить оперативную работу.

Следствием совещания становится проведение выселения «бандэлемента» из приграничной полосы, которое проходило в течение нескольких этапов в 1920-1930-е годы.

Первые выселения были проведены в 1922 году. Они коснулись активных бандитов,

помещиков и других явных контрреволюционных элементов. Позднее, в 1923-1926 гг. в приграничных районах было выявлено большое количество лиц, «которые оказывали прямую помощь белогвардейцам, бандитским формированиям... эти элементы используются мировой буржуазией для борьбы с советской властью», говорилось в одном из отчетов Псковского Губернского отдела ОГПУ³¹. «Для охраны интересов СССР, его госграниц и недопущения проникновения иностранных и бандитских элементов в пограничные округа» было решено провести выселение «бывших дворян, царских офицеров, полицейских и белогвардейцев».³² Имущество высланных изымалось и передавалось различным организациям. Всего по губернии (а в списках на выселение было больше всех жителей именно приграничных районов) на 1 декабря 1926 года было занесено в списки 590 глав семейств с 2577 членами семей, впоследствии этот список был сокращен почти вдвое.³³

В 1930-х годах в ситуации «обострения классовой борьбы и активизации зиновьевского троцкистского к.-р. блока» и нарастающей военной угрозы контроль за безопасностью в приграничных районах был чрезвычайно важен. Советское правительство рассматривало возможность возникновения антикоммунистических организаций вблизи границ СССР из «числа бывших дворян, бандпособников Булак-Балаховича, Павловского и Савинкова». Начальник управления НКВД по Ленинградской области Л.М. Заковский в докладной записке «О бывших людях», направленной Г.Г. Ягоде, указывал, что «по данным оперативного учета устанавливается серьезная засоренность предприятий, ВУЗов... остатками разгромленной буржуазии, родственниками расстрелянных террористов, диверсантов и шпионов». «Бывшие» собирались в «салоны», обсуждали и критиковали в антисоветском духе мероприятия Советской власти.³⁴ В условиях приграничных районов подобная деятельность, с точки зрения ОГПУ-НКВД, была недопустима и опасна. В марте 1935 года Г.Г. Ягода подписал приказ НКВД СССР № 55709, об «очистке пограничной полосы Ленинградской области и Карелии от кулацкого и антисоветского элемента». Предполагалось в течение апреля 1935 года очистить 22-километровую пограничную полосу от

«антисоветского элемента». Для выселения были подготовлены списки «бывших людей» – дворян, полицейских, жандармов, торговцев, бывших эсеров, меньшевиков, кулаков; граждан, лишенных избирательных прав, участников банд Булак-Балаховича, религиозных деятелей, безработных.

«Третья очередь» выселений произошла в 1938-1939 гг. На территории пограничных участков в Псковском, Палкинском, Гдовском, Островском и Полновском районах НКВД фиксировало «насыщенность пришлым элементом... до 360 семей, имевших родственную связь с Эстонией... Эстонская разведка использует часть населения для вербовки агентуры... выявлено 245 человек, бывших участников банд Булак-Балаховича».³⁵ По оперативным данным, в районах проживало более 1500 человек, служивших в белых армиях и подлежавших выселению³⁶.

Эти мероприятия должны были очистить приграничную полосу от «бандэлемента», но, как правило, выселению подлежали многие граждане, не имевшие непосредственного отношения к «бандпроявлениям», однако «выселение» позволяло радикально решить проблему «бандпособников» в приграничье и пото-

му практически безоговорочно было использовано большевистским руководством.

Тем не менее проведенные политические и оперативные мероприятия, изменившаяся социально-экономическая и международная обстановка привели к изменению ситуации на Северо-Западе страны. Большие банды и переходящие шайки были разгромлены, «пособники и подстрекатели» выселены или взяты на учет. Необходимости в существовании специального органа по борьбе с бандитизмом в структуре губернских отделов ОГПУ практически не было. Ф.Э. Дзержинский, Л.Д. Троцкий, С.С. Каменев на различных заседаниях ЦИК и ЦК партии отрапортовали об уничтожении крупных бандформирований, и ОББ был реорганизован. В 1923 году полномочия по борьбе с бандитизмом перешли Полномочным представительствам ОГПУ в военных округах, которые продолжали бороться с уголовным и политическим бандитизмом. Но опыт 1920 – 1923 гг. и сохранение очагов напряженности привели к необходимости поиска новых дополнительных методов в борьбе с бандитизмом, на что и нацеливало Постановление Президиума ЦИК 1924 года.

Примечания

1. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп.2. Д.523. С. 244 – 246.
2. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 256. Л. 119.
3. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)... С. 164, 262, 330.
4. ГАРФ. Ф.9478. Оп. 1.
5. Здесь стоит обратить внимание на известный тезис В.И. Ленина, высказанный им на X съезде партии: «Диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию», это понимание диктатуры разделяли и обосновывали в своих работах практически все лидеры партии большевиков от Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина, до С.С. Каменева и А.В. Луначарского. Десятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М. 1920. С. 575, 20, 152.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1863. Т.1. С. 44.
7. ЦА ФСБ РФ. Ф.1. Оп.6. Д. 256. Л. 19.
8. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 2. Д.55. Л.1.
9. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921-1928. М., 2006. С. 350.
10. Цит. по Национальный Союз Нового Поколения. Белград, 1935.С.21.
11. Национальный Союз Нового Поколения. С. 128-129.
12. Архив Управления ФСБ по Псковской области.
13. Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
14. ГАНПИНО. Ф.1667. Оп.2. Д.250. Л.1.
15. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 4. Д.426. Л.43-44.
16. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 4. Д.601. Л. 28а.
17. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 4. Д.601. Л. 28.
18. Практика амнистий была широко распространена в первые годы нэпа. В 1921, 1923, 1924 гг. Президиум ВЦИК издал несколько актов, гарантирующих «обеспечение прав всем рядовым солдатам, путем обмана или насильно втянутых в борьбу против Советской власти». Амнистия не распространялась на осужденных за бандитские преступления и шпионаж. ГАРФ. Ф. 1235. Оп.2. Д. 14. Л. 43.

19. Особенно ярко это описано в повести В.Я. Шишкова «Пейпус-озеро» // *Шишков В.Я. Собрание сочинений в десяти томах.* М. 1974. Т. 2. С.219-350.
20. Архив Управления ФСБ по Псковской области.
21. Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
22. *Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 353.
23. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 6. Д. 256. Л.117-119.
24. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 5. Д. 179. Л. 115 – 115об.
25. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 5. Д. 179. Л. 116.
26. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 6. Д. 256. Л. 5.
27. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. //Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952. М., 1953. С. 59-60.
28. СУ РСФСР, 1922, № 15, ст. 153.
29. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 6. Д. 256. Л.18-19.
30. ЦА ФСБ РФ. Ф.1.Оп. 6. Д. 256. Л.19.
31. Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
32. *Николаев П.А.* Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет после нас.// Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий. Псков. 1996.Т.1.С.13.
33. *Николаев П.А.* Указ.соч. С.13.
34. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 - декабрь 1936. Составители В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003. С. 613.
35. *Николаев П.А.* Указ. соч. С.45-46.
36. Архив Управления ФСБ по Псковской области.